

**Философия книги
или
о национальных вопросах в отношении
каждого отдельного человека
и определяемой отдельными людьми мировой политики**

(Выдержки из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

*

... Это случилось в результате русского – сначала в царской империи панславенистского, потом, уже в сталинской Советской империи, ленинистско-еврейско-коммунистически-сталинистского – шовинизма в тесном взаимодействии с немецким – сначала в прусско-кайзерской империи пангерманистским, потом позднее в гитлеровском Третьем Рейхе национал-социалистически-расистски-фашистским – шовинизмом. Или что-то в этом роде.

Во всяком случае, это дьявольское взаимодействие неизбежно привело, в конечном итоге, сначала к Первой немецко-русской войне Второго Германского Рейха против Российской империи, а потом и ко Второй немецко-русской войне Третьего Германского Рейха против Советской империи или, как некоторые утверждают¹, русско-немецкой войне Советской империи против Третьего Рейха.

Первая Война привела к уготованному еще царем и положенному большевиками и коммунистами концу существование богатых и сильных немецких колоний в России, а Вторая – к развязанному советским коммунистическим режимом началу уничтожения обедневшего и безобидного остатка немецких колонистов исключительно из-за их национальности, которая делала эту часть советского народа особо подозрительной на предмет их принадлежности, каким-то образом, к вражеской Германии, снова ведущей войну против России...

*

... Начало конца почти стапятидесятилетней, успешной истории немецких колонистов в России положила еще Первая мировая война. Для всех в мире это была только одна из очередных неисчислимых войн. Для немецких колонистов это была братоубийственная война. Война совести, несмотря на однозначное признание ими их новой Родины и их нового Отечества.

Вопреки их лояльности – вопреки тому, что до двадцати процентов русского Генерального штаба и больше одной трети миллиона солдат и офицеров русской армии были немецкого происхождения; вопреки тому, что талант этих командующих армиями генералов и мужество этих солдат и офицеров были увенчаны многими блестящими победами и признаны во многих высших военных наградах – общественное, в общем и повсеместно антинемецкое настроение в России в ходе войны было все больше направлено конкретно против немецких колонистов и становилось все накаленнее.

Немецкие колонисты были сделаны «козлами отпущения» за реальные и очевидные недостатки в русской армии и во всей Российской империи, за вытекающую из этого неспособность царского правительства вести войну и за все нарастающее число поражений на фронте. Они были обвинены в измене и предательстве. Для

¹ Суворов В. «День М» и «Ледокол». М.: Аст 1996г.

колонистов речь шла, в конечном итоге, не о любви русского народа или об общественном признании. Постепенно и все больше речь шла об их существовании.

Представители этого общественного настроения в России – русские националисты, которые еще до войны распространяли это настроение против чрезмерного землевладения немецких колонистов, одержали в войну верх и получили поддержку царя. Уже в 1916 году в военном законодательстве вышел закон о принудительном выселении немецких колонистов из стапятидесятикилометровой зоны у западных границ империи. Немецкие землевладельцы имели еще право продать свою землю в течение очень короткого установленного законом срока. По истечении этого срока земля шла в принудительном порядке с молотка.

Этот закон коснулся и черноморских колоний, поскольку Турция принадлежала к вражеским, ведущим войну на стороне Германии государствам. В связи с этим черноморское побережье также считалось приграничной зоной. Ширина этой зоны была однако определена несколько великодушнее и составляла всего сто километров, так что Пришибской колонии это прямо не коснулось. Когда поражение России в войне стало реальной опасностью, то уже все немецкие колонисты должны были пережить мстительный и уничтожительный удар.

В начале 1917-го русское царское правительство объявило полное отторжение земли у немецких колонистов по всей Российской империи. Чистый акт отчаяния и мести на границе с самоубийством, поскольку немецкие колонисты снабжали русские войска на фронте не только провиантом и фуражом из их сельскохозяйственной продукции, но, частично, даже и военным снаряжением, которое они производили на своих фабриках сельскохозяйственных машин, переоборудованных на военное производство.

К счастью в полнейшем несчастье, царскому правительству не оставалось больше времени для приведения этого смертного приговора немецким колонистам в исполнение. Распад Российской империи завершился в 1917-ом году Февральской революцией, отречением Его мстительного, полунемецкого Величества от престола и образованием Временного правительства. Россия стала в один раз демократической – типа «Веймарской республики» России.

Среди первых шагов нового правительства была отмена антинемецких законов военного времени, но – фатальным образом для этого правительства – не самой войны. Передышка и искра надежды для немецких колонистов, вопреки ведомой дальше войне.

Эта демократическая пауза между двумя диктатурами была в России из-за продолжающейся войны и обусловленной войной истощенности страны сокращена и гораздо короче, чем время, предоставленное Веймарской республике в Германии – всего лишь семь месяцев между февралем и октябрём 1917-го.

После октябрьского переворота пришел все предыдущее переплюнувший и затмивший большевистский террор, перед которым блекнет и представляется почти безвинной гильотина Французской революции и который даже преступную бесчеловечность нацистов – деградировавшую через шестнадцать лет всю Германию и всех немцев – позволяет рассматривать как его проведенное с немецкой основательностью и педантичностью продолжение, его дальнейшее развитие и методическое усовершенствование...

*

... Чего следовало ожидать, то и произошло. Сразу же после захвата власти большевиками путем произведенного с помощью и при содействии Германского рейха в октябре 1917-го года переворота великий вождь пролетариата издал свои три декрета.

В одном – о власти – Ленин определил «Совет народных комиссаров» единственной и одиночно правящей властью в стране, а себя самого единственным и одиночным вождем этого «Совета» и, таким образом, страны.

Во втором – о мире – он объявил о готовности управляемой теперь им, большевистской России к обещанному им – сначала немецкому Генеральному штабу в качестве оплаты за помощь в захвате власти и лишь потом русским солдатам и матросам – немедленному миру. Этот мир и был в марте 1919-го заключен и скреплен Брест-Литовским мирным договором между большевистской Россией и Германским рейхом.

Третий – о земле – постановлял тотальное и безвозмездное лишение всех землевладельцев их земли и готовил тем самым окончательную, еще царем запланированную кончину немецких колоний.

Черноморские колонии и на этот раз остались вначале не затронуты этим декретом. Украина воспользовалась объявленным в ноябре 1917-го заявлением Ленина о праве наций на самоопределение и в январе 1918-го объявила себя Украинской самостийной народной республикой и претендовала на независимость от России.

Объявление украинским националистским правительством гетмана Петлюры самостоятельности тут же привело к военному столкновению со ставшей в связи с этим хозяйственно недееспособной и потому озлобившейся Россией и к состоянию в стране на уровне гражданской войны. Новое государство гетмана Петлюры и его националистская армия, а также внедрившаяся в самостийную Украину Красная армия нуждались в хлебе Отца.

Чтобы выкрутиться из этой опасной ситуации, новая суверенная Украина заключила, не долго думая – еще до России, в феврале 1918 и так же в Брест-Литовске – свой собственный мирный договор с Германской империей. По этому договору немецкие солдаты из Германии пришли вскоре сами к Отцу-крестьянину на Юг России как защитные войска для немецких колонистов. Немцы в колониях приняли их с братской любовью и называли их «германцами», чтобы отличать себя от имперских немцев. «Германцы» – так же, как и сама Германская империя – тоже нуждались в хлебе Отца.

Немецкие колонисты отблагодарили Германское военное командование за эту защиту предоставлением ему военного займа в сорок миллионов золотых рублей или в шестьдесят миллионов золотых марок². Это опять же принесло потом, перед следующей – Второй – мировой войной следующему – Третьему – германскому рейху выросший из этого займа капитал в гораздо более, чем один миллиард рейхсмарок! Целое состояние во времена, когда немецкие колонии уже давно больше не существовали, а сами оставшиеся без защиты немецкие колонисты деградировали и пухли с голоду в колхозах и были уже подвержены тотальному уничтожению в большевистских концлагерях.

Но и тогда уже длилась эта ими так великодушно отблагодаренная защита немецких колонистов не слишком долго. Уже в ноябре 1918-го, когда бумеранг – учиненный германскими секретными службами путч в Петербурге – вернулся менее, чем через год назад в Берлин, поразил теперь уже сам Германский рейх и уничтожил его, немецкие защитные войска и с ними снова многие колонисты оттянулись назад в Германию.

По новому суверенному государству Украина бушевала теперь окончательно жесточайшая гражданская война. В ней участвовали – Красная гвардия из голодных матросов и рабочих с Севера, Белая гвардия из остатков старой Российской царской

² *Ingeborg Fleischhauer „Die Deutschen im Zarenreich“. (Ингеборг Фляйшгауер «Немцы в царской империи») Deutsche Verlags-Anstalt (DVA), Stuttgart, 2. Auflage, 1991*

армии, прежде всего, офицерский корпус от кадеттов до генералов, а также из добровольцев, таких как войсковые части самообороны немецких колонистов, казацкие формирования и все другие, которые чем-то владели и что-то имели против предложенного большевиками бесчестного, грабительского «обмена». Все еще действовала Украинская националистская армия под жовто-блакитным флагом³ и к этому еще неисчислимы цветные и бесцветные банды размером иногда до целой армии, типа «зеленой армии» батьки Махно.

Все эти банды, армии и гвардии цвета грозовой радуги уничтожающе пронеслись туда-сюда, вдоль и поперек по Украине, которая на Юге была преимущественно заселена немецкими колонистами. Все они нуждались в хлебе немецких колонистов, если при этом, правда, далеко не каждый и далеко не всегда за него платил...

*

... Красная гвардия неудержимо надвигалась с Севера все ближе. Белая гвардия должна была отступить и идти в Крым, чтобы предложить Красным их последний бой, проиграть его, развеяться на все четыре стороны по границам и раствориться там как Белая гвардия, как Русская армия и как сама Российская империя, как-будто их никогда и не было.

С ними ушли многие немецкие колонисты, бывшие солдаты Российской армии, которые оседлали своих лошадей, взяли свое оружие и амуницию и поскакали в составе состоящих из многих тысяч всадников и хорошо вооруженных войск самообороны немецких колонистов, которые вначале – после отхода «германцев» – остались одни против мощи временной «красно-зеленой» коалиции из красногвардейцев и зеленых бандитов Махно, а позднее окончательно примкнули к Белой гвардии.

Немецкие мужчины-колонисты, которые, как и казаки, бились в Белой гвардии, в отличие от Белых офицеров, не за честь и монархию, а за собственное имущество и добро против варварских Красных орд, сражались, проиграли и должны были потом за это жестоко расплачиваться. Много солдат-колонистов сгинули в этой бойне бесследно, и никто из родственников ничего и никогда больше не узнал об их судьбе...

*

... У Красных было к этому времени достаточно дел с казнями мужчин, хотя они направляли свои карательные экспедиции уже давно – после перенесенных ими жестоких боев с соединениями самообороны немецких колонистов – и не только против мужчин. Целые деревни и селения немецких колонистов – включая всех жителей, включая их детей, жен и стариков – были весной и летом 1919-го дотла сожжены большевиками...

*

... Потом пришла эра Сталина, который снова самым жесточайшим образом отнял у новых крестьян землю. Самые бедные, которые сразу же пропили свои наделы или привели их в упадок и, тем самым, показали свою полнейшую неспособность хозяйствовать, были согнаны в колхозы. Другие, которые привели свою землю за это кратчайшее время к цветению и приумножили ее – в том числе многие ограбленные перед этим немецкие колонисты – были объявлены кулаками и врагами Советской власти, сосланы в концентрационные рабочие лагеря Сибири или – как стало уже обычным – расстреляны, в то время как их земля, имущество и добро пошли тоже к тем неспособным в колхозы.

³ *желто-голубое национальное знамя Украины*

Так «успешно» стартовала коллективизация сельского хозяйства как предпосылка индустриализации большевистской империи, как подготовка красно-русской экспансии на враждебно-капиталистический Запад.

Так сгнула следующая большая часть немецких колонистов.

«Маршировать или сдохнуть!» – стало, похоже, как и у французских иностранных легионеров, их жизненным лозунгом..

Народ в пути! – как Вечный Жид⁴, не знающий, правда, того, за что он наказан и сам распят!..

*

... Вопрос был не в том, против кого биться, а за что биться. Это стало отчетливым в Гражданской войне, которая этот вопрос поставила и на него отчетливо ответила. Здесь бились как русские, так и немцы – все те, кто что-то имел – против русских и всех тех, которые ничего не имели и хотели то, что они не имели, отобрать у других.

Гражданская война была проиграна не немецкими колонистами и русскими казаками. Она была проиграна профессиональными русскими офицерами Белой гвардии, которые как профессиональные наемные солдаты так вяло бились в этой войне за их привилегии, за их честь и за Российскую корону. Они проиграли Гражданскую войну, поскольку они с их привилегиями, с их честью и с их профессионализмом были оторваны от своей земли. Честь и привилегии может завоевать, в конечном итоге, любой наемный солдат и в любой другой стране, как это всегда еще в истории доказывали те же немецкие наемные солдаты.

Когда после революции и Гражданской войны у немецких колонистов все было отобрано, то все и прошло: никто бы из них не бился по убеждению против своих немецких братьев, против «германцев», во Второй мировой войне, которую нищий грузин Сталин с такой наглостью объявил с русской стороны Отечественной войной. Не зря издал Сталин свой известный, убийственный указ о депортации и заключении немецких колонистов. Он-то точно знал, каким тяжелым и сложным сделал он за все эти годы этот Отечественный вопрос для немецких колонистов.

*

... С началом войны у оставшихся еще в живых немецких колонистов проснулись новые надежды. Им однако вновь положил конец Сталин своим Указом от 28-го августа 1941-го года. Согласно этому Указу, все живущие в России немцы были превентивно и поголовно – *только на основании их национальности* – объявлены предателями «их советской Родины» и шпионами Германии и приговорены к уничтожению.

Следуя этому Указу, все компактно проживающие и еще не успевшие попасть в оккупированную немецкими войсками зону немцы, начиная с жителей засим отмененной Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья, должны были в течение двадцати четырех часов упаковать только самое необходимое, были затем сами упакованы в железнодорожные скотские вагоны и выброшены за Урал. Большинство мужчин рабочего возраста, а также их трудоспособные жены были согнаны в упомянутые уже спецконцлагеря принудительного труда, названные «трудармией». Их оставшиеся в результате этого сиротами и еще нетрудоспособные дети были замечены в детские приюты.

Немцам, которые жили одиночно, посчастливилось больше – из-за молниеносно наступающих немецких войск энкэвэдистам не оставалось больше времени на них охотиться и их отлавливать...

⁴ Еврей, который – согласно легенде – должен в наказание за распятие Христа вечно скитаться по свету

*

... Потом пришел Новый порядок Третьего рейха, согласно которому, каждому было разрешено получить новый или же свой старый, экспроприированный большевиками кусок земли и обрабатывать его.

О своей старой земле лучше было ничего больше не знать. Во-первых, часть ее они уже один раз получили от Ленина назад и еще хорошо помнили, что из этого вышло. Во-вторых, пережитое еще в Гражданской войне показало, какими временными бывают созданные в ходе войны новые государства, империи и порядки. При этом, тогда тоже каждый и при каждой смене порядка притягивался к ответу и мести.

Земля – она везде земля! И чем меньше человек в эти бурные времена к ней привязан, тем легче может он ее в случае чего бросить и себя таким образом спасти.

Их надеждой было, кроме того, не восстановить старый порядок немецких колоний с помощью Нового порядка Третьего рейха и вновь им наслаждаться, а исправить ошибку, которая была допущена после революции и стоила стольких жертв, и вернуться, наконец, в свою материнскую землю Германию...

*

... Военные события развивались меж тем все стремительнее и все драматичнее. В июле западные союзники высадились в Нормандии.

Прусские дворяне-офицеры прошляпили в конце июля очередную из их многочисленных, неудавшихся попыток покушения на своего «неистребимого» Фюрера, хотя некоторые из них наверняка имели на своих гербах прусский девиз: «Что бы ты не делал, делай это как следует!»

Им чего-то всегда не хватало! Иногда командующим армиями генералам не хватало действующего взрывателя; иногда, если взрыватель все же находился и даже готов был действовать, им не хватало времени, которого потом опять же не хватало Фюреру, чтобы выждать то установленное на временном взрывателе время и дать им, наконец, пустить себя на воздух.

Взрывающихся безо всякой временной задержки ручных гранат, очевидно, не хватало в Берлине в любом случае, поскольку отчаявшийся от таких неудач главный заговорщик больше не доверял временным взрывателям, нашел на русском фронте одну из таких ручных гранат и все же успешно пустил – правда самого себя – на воздух.

Заговорщикам от двадцатого июля не хватало кроме того до крайности персонала. Один и тот же должен был подсунуть под задницу Гитлера в его «волчьем логове» добытую у англичан и рассчитанную с прусской экономностью бомбу – опять же с часовым механизмом – и одновременно быть в Берлине, чтобы принять меры для перехвата власти, что – чисто физически – оставалось еще всегда запрещено даже для дворян.

Прежде всего, не хватало прусско-военным дворянам, по-видимому, все же решимости и самоотреченности сегодняшних недворянских, мусульманско-цивильных, совершающих покушения самоубийц, которые используют бомбы без часовых механизмов, позволяющих подрывнику спасти свою жизнь.

Во всяком случае из-за их недееспособности им не удалось вовремя окончить войну и тем самым оказать российским немцам большую помощь.

Истощавшее и обескровленное немецкое войско срочно нуждалось летом 1944-го свежего пушечного мяса и свежей военной крови, которая теперь могла даже не быть больше настолько уж арийской. Семьям беженцев из немецких колоний России было дано на скорую руку гражданство и их мужчинам, тем самым, право идти на войну даже как настоящие арийцы...

*

... После того как их мужчины были призваны на войну, в лагере беженцев в Польше остались в ожидании своего жребия одни женщины, дети и старики. Они были правда все еще на территории Третьего немецкого рейха, который однако каждодневно со все большим ускорением двигался к своему исчезновению.

Американцы, наступавшие на западе на Отца, неожиданно получили в Арденнах возможность почувствовать – ими впоследствии очень ценимые и сразу после войны в их собственной армии введенные – качества элитных войск ЭсЭс, что обеспечило Отцу чуть больше времени для его военной подготовки.

В ответ на это русские на востоке обязались – по просьбе ошарашенных американцев о помощи – начать преждевременно их еще не до конца подготовленное и из-за этого стоившее им еще тысячи солдатских жизней наступление в Польше, чтобы помочь тем самым попавшим впросак американцам, а также покончить с неизвестностью немцев-беженцев и решить их судьбу.

Вскоре окончилась западная одиссея, похоже, забытых немцами немецких беженцев. Не сделав больше ни одного шага, они попали из Третьего рейха во вновь возникшую и стоящую пока под советским военным управлением Польшу – для немецких беженцев из России очень затруднительное и роковое положение.

Поляки с их чрезмерно раздутой национальной гордостью никогда не забыли и не простили многократную дележку их страны между русскими и немцами в последние неполных двести лет. Они убивали во время этой войны из-за угла и с одинаковым удовлетворением как русских, так и немецких солдат, если один из этих солдат имел несчастье появиться где-нибудь среди них в одиночку – каждый народ лелеет на свой собственный лад его проистекающие из истории горечи и обиды.

Только вот существовал один народ, который выпал из европейской истории, а именно выехавшие из Германии в Россию немцы. Они были на многие годы освобождены от военной службы и от налогов и тем самым не были причастны к политическим преступлениям ни России, ни Германии. У них хватало своих дел, чтобы выжить там, среди прекрасных, но диких степей Южной Руси и основать свое существование и культуру.

Однако эта тонко- и глубокоисторическая деталь не интересовала тогда – так же как и сегодня еще – ни одну националистскую свинью ни в России, ни в Германии и уж во всяком случае ни в Польше, а также ни еще где бы то ни было на Свете. Особенно тогда, если речь шла или идет о каких-либо актах мести или требованиях на возмещение убытков.

Эти состоящие из женщин, детей и стариков – то есть из их слабейших представителей – семьи немцев из России, которые теперь должны были вновь отвечать за тайный пакт Сталина-Гитлера или Молотова-Риббентропа или кого-то там еще от 1939-го года, были – смотря чисто технически или арифметически – двойной и при этом легко доступной добычей для поляков. Прикончить одного немца из России было то же самое, что забить одного русского и одного немца: *убить двух мух – именно – одним ударом!*..

*

... Благоразумия больше и не было уже давно в этом рушащемся мире с миллионами и миллионами мертвых, искалеченных, раненых, сосланных, изгнанных и бегущих. Сам факт, что эти вырванные с корнями, обессиленные и забытые женщины и дети – эти пылинки в самом центре сокрушительного урагана – оставались еще в живых, выходил за границы всякого разума и благоразумия!

Это чудо человеческой жизни, когда в ситуациях, где всякий человеческий разум и всякое придуманное только людьми и действующее только для людей благоразумие

отказывают и больше не помогают, люди возвращаются к своим звериным истокам, к самым сильным природным инстинктам, таким как инстинкт самосохранения или еще более сильный материнский инстинкт сохранения жизни детей и, только благодаря им, выживают иногда на некоем недостойном человека зверином уровне! На таком уровне, что после того они сами не могут поверить, как это вообще было возможно. Выживать, не думая даже о том, благоразумно ли еще это выживание и имеет ли оно вообще еще какой-либо смысл!..

*

... Когда Красная армия захватила их семьи в Польше и «освободила» их от Сциллы к Харибде, война для мужчин вовсе еще не кончилась – для них она еще только по-настоящему началась.

Для мужчин, которые ни на какой стороне эту войну не развязывали, не пережили никаких славных побед и не совершили никаких грехов и грязных преступлений, пришло время расплачиваться за их все это развязавших, переживших и совершивших соотечественников в Третьем рейхе. Расхлебывать последствия этой войны и сначала вместе с ними пытаться сдерживать, а потом вместе с ними пытаться пережить сокрушительное, гибели целой нации и ее немецкой земли подобное поражение.

Большого выбора у них и не было – либо пасть в боях, либо после поражения быть притянутыми Сталиным как предатели к ответу. Тем более, что они как «советские граждане немецкой национальности» уже наперед были объявлены им шпионами и предателями и приговорены...

*

... Из мужчин трехсотпятидесятитысячного контингента немцев из России, попавших в начале войны в зону немецкой оккупации, были сформированы во второй половине 1944-го новые войсковые части вермахта и в том числе несколько дивизий войск ЭсЭс. Большинство из них должны были теперь в укороченном учебном курсе упражняться в искусстве войны, и в этом им еще повезло, поскольку остальные были посланы сразу в бой еще против американцев в Италии, не научившись даже стрелять⁵.

Их обучение сводилось к почти непрерывной муштре на плацу, стрельбищам, муштре, интенсивным занятиям спортом и снова муштре...

Вскоре однако муштре наступил все-равно конец – американцы вступили в Баварию, и для Отца с его камерадами созрело время биться и умирать за Родину той самой баварской жирной свиньи, которая их муштровала и унижала.

Начав на Юге против американцев, их часть боролась среди других соединений вермахта в становящемся все уже и уже коридоре между двумя быстро сближающимися с востока и с запада фронтами – в этой мышеловке, оставшейся еще к тому времени – после двенадцати лет своего существования – от тысячелетнего Третьего рейха.

Лишь некоторые места боев их части: *Steinkirche* (около 50 км северо-восточнее Мюнхена), *Landau* (около 100 км от Мюнхена), *Lichtenau* и *Waldeck* (недалеко друг от друга между Эрфуртом и Герой), *Ortmannsdorf* (около Цвикау), *Brettin* (между Магдебургом и Потсдамом), *Löwenberg* (50 км севернее Берлина) и *Goldberg* (50 км восточнее Шверина). Таким образом оттесняемые все дальше на север они должны были теперь вести бои против русских, начиная от Бреттина, где должно было сомкнуться кольцо окружения вокруг Берлина.

⁵ *Ingeborg Fleischhauer „Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion“ (Ингеборг Фляйшгауэр «Третий рейх и немцы в Советском Союзе»). Deutsche Verlags-Anstalt (DVA), Stuttgart, 1983 (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte; Nr. 46)*

Тут они тоже ничего не смогли изменить в ходе мировой истории и маршировали с боями все дальше на север. Один из последних приказов становящегося все бешенее Фюрера касался и их. Согласно этому приказу все остатки вермахта и войск ЭсЭс должны были собираться на севере под команду генерала Венка и прорываться затем в направлении Берлина, с целью освобождения столицы и правительства рейха из советского окружения.

На этом пути и встретили они май 1945-го. Подземный военкомандующий и «преданный» своим, «разочаровавшим его» народом Irreführei⁶ распрощался, наконец-то, как с этим «недостойным его» народом, который он опорочил и выдал на веки вечные и при всех обстоятельствах мщению и расправе других народов, так и с немецкой землей, которую он в своем фанатизме завел в кромешный Ад и превратил в кучу щебня и в доведенную до совершенства руину. Слишком поздно для немецкого народа и для немецкой земли случился этот уход!

Теперь не только для них, которые и без того только этому и обучались и только этим и занимались всю свою жизнь, но и для каждого местного немца дело дошло до того, чтобы самим заботиться о своей собственной жизни, о своей собственной судьбе и обо всех других собственных человеческих делах, что, собственно, и относится к нормальным человеческим обязанностям и примитивнейшим жизненным свободам каждого человека.

Относится к тем обязанностям, которые двенадцать лет назад были перепоручены «германцами» – при всей понятной унижительность для немцев Версальского договора и оскорбительной надменности по отношению к немцам союзников после не выигранной ими Первой мировой войны, все же, наверняка, по недосмотру, вероятно, в своей нивной надежде, что они смогут, наконец, все последующие тысячу лет жить беззаботно – этому Фюреру. Человеку, который никогда не был мужем⁷, никогда Отцом и – можно даже подумать – никогда сыном и, вообще, ничего разумного никогда в своей жизни не сотворил, чтобы перенять заботы у детей, матерей и отцов других людей...

*

... Шанс прорваться – в конце войны с их таким, для них как советских граждан вдвойне опасным по сравнению с другими эсэсовцами клеймом войск ЭсЭс под мышкой⁸ – почти нулевой. Они уже слышали жуткие истории про охоту на эсэсовцев – причем у всех союзников – при которой все рослые военнопленные, независимо от их одежды, должны были раздеваться и держать их левые руки вверх.

Так как они чувствовали себя все же невиновными, не имели вот уж действительно ничего общего с совершенными ЭсЭс злодеяниями и представляли собой только добытое по нужде пушечное мясо, то они видели свое единственное спасение в том, чтобы получить на западе, по крайней мере, честный процесс, что у «родных» русских было бы невыносимо.

Но чего они все тогда еще не слышали и не могли знать было то, что путь на запад для многих, таких как они, закончился тем не менее на востоке. Да к тому же еще после всех ужасов Рейнских лагерей военнопленных⁹. Американцы и англичане выдали русским их бывших советских сограждан, полностью осознавая, что они

⁶ Игра слов: irreführen – вводить в заблуждение и Irre – сумасшедший

⁷ Гитлер заключил непосредственно лишь перед своим кончиной формальный брак с Евой Браун

⁸ Солдатам ЭсЭс делалась под мышкой левой руки татуировка с их группой крови, чтобы при ранениях быстрее оказать им помощь

⁹ В долине Рейна было обнесено колючей проволокой несколько гектаров лугов, куда тысячами сгонялись взятые в плен немецкие солдаты, которые были предоставлены самим себе безо всякого обеспечения. В этих лагерях доходило до людоедства, когда голодные военнопленные ели своих умерших от голода и болезней товарищей

подвергнутся мести Сталина, и что эта выдача означает для тех, кого она коснулась, абсолютно верную смерть.

Прежде чем начать переучивание «деградированных» нацизмом и ставших «извращенными» немцев и преподать им потом уроки демократии, свободы и справедливости, надо было еще разгрести немного дерьма, совершить с русскими сделку и вытащить из советских лагерей собственных, захваченных русскими в немецких концлагерях пленных, даже если при этом и собственные освободительные руки могут стать запачканными дерьмом.

Этого не хотели понимать выдаваемые как немецкие, так и русские советские граждане и не хотели с этим смириться. Так же как не хотели с этим смириться и русские казаки, которых англичане по-предательски разоружили и затем все же передали Советам. Преданные казаки сами собственноручно и массово убивали как самих себя, так и свои семьи, прежде чем остатки их борющейся в войне на стороне вермахта армии были затем в России массово уничтожены НКВД...

*

... Все те, кто были политически и исторически виноваты в этой войне, ее провоцировали, ее не предотвратили, ее развязали и вели, расквитывались теперь с солдатами, которых они из своих политических соображений и во славу мировой политики послали во взаимную бойню – расхлебывать, как всегда, дерьмо и кровь каждой неудачной политики. И это «расквитывание» приходило при этом со всех сторон.

Еще недавно все поголовно «извращенные», теперь однако переученные и в Западной Германии демократизированные американцами немцы предали – точно так же, как и их «переучиватели» предали тогда советских граждан – жалкие остатки своей еще оставшейся в живых солдатской элиты. Они практически лишили гражданства бывших эсэсовцев – этих их государством и Отечеством избранных, нацистски воспитанных, злоупотребленных, истребленных и уже один раз преданных мужчин –, отказавшись о них, в отличие от малорослых и не менее преступных солдат вермахта, заботиться и ничего не хотели о них как о «*persona non grata*»¹⁰ знать...

*

... Теперь, когда русский комендант взял дело в свои руки, все развивалось стремительно. В следующие дни, в течение которых их охраняли – скорее от нападения поляков – русские солдаты, была проведена, без всякой особой фильтрации – было бы и тяжело приписать что-то преступное этим женщинам и детям – поголовная репатриация, означающая ничто иное, как их поголовную депортацию в Сибирь.

Они колонной промаршировали к тому же самому вокзалу и были битком набиты в скотские вагоны – единственное, очевидно, представляющееся ответственным лицам того времени соответствующим, средство личного передвижения для насильственного перемещения, угона и ссылки неизмеримо огромных и ставших безличными человеческих масс.

Скотский, ссыльный поезд отправился на восток.

Их жизнь и жизнь их детей были, для начала, спасены, и война, как таковая – со слепо буйствующими вокруг бомбами и танками – для них, таким образом, миновала. Многомесячный, неопишуемый путь страдания вел в Сибирь, к их депортированным туда еще в начале войны отовсюду из бывших немецких колоний соотечественникам.

¹⁰ *лицо нежелательное (лат.) – юридическое выражение для выдворяемых из страны лиц, например, иностранных дипломатов*

Они принадлежали таким образом к двустам тысячам немцев из России – женщины, дети и старики, прежде всего, без их призванных на немецкую военную службу мужчин, которые были настигнуты на путях их бегства Красной армией и испытали подобную же участь.

Они ехали долго и мучительно, со многими долгими промежуточными остановками, с голодом, холодом, болезнями и многими – до тридцати процентов тех двухсот тысяч угнанных – умершими в пути. Война на западе шла к концу, и победа над Германией была скреплена между Союзниками договором поставить теперь совместными усилиями на колени последнего из тройственной оси – Японию.

Для русских это означало, совершить транспортное чудо – чудовищное скопище их войск с закончившегося Западного фронта переместить на десять тысяч километров восточнее. Все это через игольное ушко под названием «Транссибирская железнодорожная магистраль», которое к этому времени было заткнуто тащившимся где-то по бесконечности этой магистрали скотским поездом с немецкими матерями и детьми.

Их поезд был сметен прочь и должен был на каких-то запасных путях ждать, пока также и японцы не будут задавлены этим мощным движением войск, машин и в последнее время атомных бомб, вместо уже устаревших как средство достижения победы огненных смерчей в городах Германии после их тотальной бомбежки англичанами и американцами.

Так что – после этого длительного отстоя – они въехали прямо в сибирскую зиму и прибыли в полностью заснеженный Новосибирск при морозе в минус тридцать градусов. Здесь их очередной раз рассортировали и разделили. Некоторые были выгружены в городе как рабочая сила для заводов и фабрик, другие распределены по окрестным деревням.

Так расходились теперь пути беженцев после двух лет их мытарств и странствий по этой огромной дуге от Пришиба через Польшу до Сибири...

*

... Жизнь началась снова или просто шла дальше. К их счастью, они принадлежали к пережившим эту войну и связанный с ней геноцид. Геноцид, который смел с лица земли половину из них. Не шесть миллионов и не двадцать миллионов. Даже не один совсем полный миллион. Всего лишь только половину этого специфического немецкого народа.

Может быть поэтому этот геноцид и не заметил никто в мире, в котором еще никогда и ни один народ не был истреблен наполовину. А может быть однако он остается незамеченным и из-за удивительной скромности этого немецкого народа, развившейся в нем в течение всех этих длительных и неизмеримых страданий.

Тысячелетние рейхи исчезают молниеносно и бесследно с лица земли; их фюреры – как большие, так и маленькие – приходят и уходят, пожирая друг друга вместе с неисчислимыми миллионами людей в качестве гарнира; уничтожительные войны кончаются и тут же начинаются вновь, сервированные горячими или холодными, и все проходит, только Человечество – эта состоящая из неисчислимых ячеек, возникшая вопреки всем законам природы, как единственная во всей Вселенной и, наверняка, кратковременная флуктуация, плесень на Земле – остается удивительным образом, вопреки всем этим каннибальским вакханалиям дальше существовать и, не взирая на все это, размножается неудержимо дальше.

Может быть как раз поэтому мировая политика – чтобы это ни означало и кто бы ее не проводил – никак не учитывает ни одной единственной человеческой жизни, ни их многие миллионы.

Как бы там ни было, половина немецких колонистов пережила *Это*. Они относились к выжившим. И это не нуждалось ни в каком признании. И так – в результате всех этих с начала двадцатого столетия случившихся и приведших к мировым катаклизмам нонсенсов – стали ссыльные уголки земли у Черта на куличках их «домом», где еще многие годы под комендантским надзором с ними обходились, как с самыми грязными преступниками.

Несмотря на все это, у них в позднейшие годы возникало все сильнее чувство, что они нашли, наконец-то, свою тихую жизненную гавань, хотя многие и сохраняли еще их тоску по Украине или по Волге и проклинали на вечные времена как всех вместе взятых, так и по одиночке советских и немецких фюреров, которые причинили *такое* их семьям и устроили им *такую* судьбу...

*

Замыкаемость круга

... Потому что все в мире вращается по бесконечным кругам.

И ничего в мире, кроме человеческой порядочности и прямоты, не бывает прямым.

Потому что любая видимая прямая, –

есть всего лишь окружность бесконечного радиуса.

И все – даже то, что казалось потерянным –

возвращается когда-либо снова на круги своя.

И все, что уже происходило, происходит теперь снова.

И будет снова происходить и приходить другими.

Но этот круг замыкался теперь, как-будто между этим ничего и не было.

Между его началом и концом было все ничто.

И ничего больше не есть, и не будет, и не станет быть, как было раньше...

* * *